

Роман Силантьев — известный российский религиовед, доктор исторических наук, ведущий специалист по исламу. Самой молодой мировой религией московский ученый занимается уже 17 лет. За это время он написал о ней 14 книг, среди которых энциклопедия «Ислам в современной России» и «Атлас исламского сообщества России». Подробно исследуя верования традиционных мусульман, Роман Силантьев не обходит стороной и проблему радикального исламизма. Накануне ученый побывал в Благовещенске и других амурских городах — в наш регион его привела работа над интерактивной картой религиозных общин России. С известным религиоведом побеседовал наш корреспондент.

— Роман Анатольевич, давайте начнем с базовых понятий. Верно ли, что не стоит смешивать такие термины, как мусульманин и исламист?

— Да, не стоит, как, например, не стоит смешивать понятия эгоист и православный. Главное отличие в том, что с традиционными мусульманами мы можем жить в мире, а с исламистами — нет.

— Как к радикалам относятся сами мусульмане?

— Собственно, то, что сейчас происходит на Ближнем Востоке, и есть квинтэссенция взаимоотношений исламистов с традиционными мусульманами: массовые убийства, расстрелы пленных, каннибализм на камеру.

— А какие исламистские группировки сегодня особенно влиятельны?

— Это совокупность ваххабитских сект — они самые многочисленные и опасные. Также это партия **Хизб ут-Тахрир** — централизованная организация, стоящая на втором месте по степени угрозы. Есть еще секты турецкого происхождения, в первую очередь — нурсисты (последователи **Саида Нурси**). Кстати, именно нурсисты не так давно пытались зайти в Благовещенск из Красноярска. Также сюда пытались проникнуть последователи пакистанской секты таблигитов. Что касается «Братьев-мусульман», до определенного момента в России их было довольно мало, но после присоединения Крыма их численность резко увеличилась, и теперь они пятые по степени влияния.

— Часто ваххабитов по умолчанию приравнивают к террористам. С вашей точки зрения, это справедливо?

— Да, вполне, потому как практически все террористы у нас и есть ваххабиты. Я считаю

вполне оправданным и тот факт, что ваххабитами нередко называют вообще всех исламистов. Дело в том, что понятие «ваххабизм» имеет как узкое, так и широкое значение. В узком смысле ваххабиты — это конкретная секта салафитов саудовского происхождения. Если же рассматривать это понятие широко, то туда входят и нурсисты, и таблигиты, и все другие нетрадиционные группы.

— К чему сводятся цели, которые преследуют исламисты?

— Они хотят захватить весь мир, но готовы довольствоваться и какой-то частью этого мира, скажем, севером Ирака, частью Сирии или Пакистана. А вот в России им нужно все. Глупо считать, что им нужен только Кавказ. Им как раз гораздо нужнее те места, где есть нефть, алмазы и какая-то живая промышленность. Если не проявлять бдительности, они могут закрепиться практически в любом месте.

— После теракта 11 сентября 2001 года отчетливо зазвучала мысль о глобальности террористической угрозы. Политики разных стран заговорили о том, что борьба с экстремизмом и сепаратизмом — всеобщее дело, ради которого должен объединиться весь мир. По-прежнему ли велики масштабы исламистской угрозы?

— Да, ваххабиты не сдают своих позиций. Они устраивают теракты и в Китае, и в Нигерии, из чего можно сделать вывод, что в значительной части стран ваххабитская террористическая угроза присутствует.

— Почему же тогда создается впечатление, что идея всемирной борьбы с терроризмом исчерпала себя?

— Дело в том, что многие считают, что террористов можно использовать против других стран. Они придерживаются мнения, что если противника взорвут 30 раз, а тебя только три, то это не страшно. Правда, потом выясняется, что созданная террористическая организация оборачивается против тебя. Я не думаю, что американцам было выгодно, что те террористы, которых они готовили для войны с Сирией, неожиданно пошли на Ирак.

«Украинский вопрос» и крымские татары

— Роман Анатольевич, расскажите, какова история распространения исламизма в России?

— Первые представители появились еще в советское время, но особенно они активизировались во время войны в Афганистане в качестве элемента антисоветской пропаганды. Все началось со Средней Азии, быстро перекинулось на Дагестан, а потом уже пошло по всей стране. В 1997 году исламисты охватили Дальний Восток и Сибирь.

На этом первый этап экспансии закончился, дальше они начали уже закрепляться.

— Наверняка на эти процессы повлияла и война в Чечне.

— Да, конечно. Поначалу она не имела такого религиозного характера, но потом эмиссары ваххабитов (самый известный из них — Хаттаб) обратили в свою веру многих полевых командиров. После этого война превратилась в противостояние ваххабитов и всех остальных.

— Сколько же сегодня исламистов в России?

— По моим подсчетам, до 700 тысяч. Большинство из них — ваххабиты.

— Есть ли вероятность, что они готовят очередной удар, пока на первом плане «украинский вопрос»?

— Такая опасность существует. Кроме того, в виде украинских язычников как раз добавились новые угрозы. Они имеют довольно тесные связи с нашими язычниками, массово присутствуют в национальной гвардии, работают с нашими фанатами. Поэтому следующий «болотный майдан» у нас будет именно на базе сектантов, а не хипстеров. Туда вовлекут ультрас, ваххабитов, иных сектантов. Конечно, суммарно они составляют всего пару процентов от населения, но численно это все-таки десятки тысяч людей. Кроме того, их боеспособность гораздо выше, чем у либеральной интеллигенции.

— Вы упомянули об исламистах на территории Крыма. Какую опасность они представляют?

— Дело в том, что сегодня лидеры Меджлиса крымских татар прямо призывают к захвату Крыма. Причем они настаивают на том, чтобы боевые действия в отношении Крыма начались не после победы над ополченцами, а уже прямо сейчас. Сторонников Меджлиса там несколько десятков тысяч — примерно треть всех крымских татар. Были уже попытки терактов, которые удалось предотвратить.

Спокойное Приамурье

— Актуальна ли проблема исламистской угрозы для Амурской области?

— Постоянно действующих ячеек здесь нет. Как я уже говорил, были попытки закрепиться у нурсистов. Также сюда приезжали ваххабитские деятели из Москвы: муфтий Аширов бывал здесь несколько раз, пытался зарегистрировать общину, но в итоге ему пришлось это сделать под Уфой. Таким образом число ваххабитов в Амурской области невелико — думаю, даже на десятки счета не идет. По большей части к

экстремистским террористическим актам склонны новообращенные мусульмане, но таких здесь всего 30 человек, то есть совсем немного, поэтому ситуация, можно сказать, спокойная. Такая же стабильная обстановка в Еврейской автономной области и на Чукотке.

— А как вообще исламистам удается проникать в регионы Дальнего Востока?

— Как известно, на Дальнем Востоке среди мигрантов довольно много мусульман. При этом многие мигранты были выдавлены из своих стран спецслужбами именно за проповедование исламизма — в первую очередь это касается узбеков и таджиков. Они приезжают сюда, и местные ваххабиты трудоустраивают их имамами в мечети, поэтому в Сибири и на Дальнем Востоке было немало случаев, когда имамов и глав общин арестовывали и депортировали за причастность к террористическим организациям.

— Стоит ли воспринимать как угрозу сам факт массового притока мусульман в Приамурье?

— Если это традиционные мусульмане, их приезд не ухудшит ситуацию. Другое дело, что среди них могут оказаться и члены разного рода террористических организаций. Поэтому, на мой взгляд, пограничный контроль должен проверять этих людей гораздо жестче, а при малейшем подозрении просто не пускать их в Россию.

— Но как разглядеть ваххабита среди обычных мусульман?

— Для этого существуют разного рода вопросы, например, касательно отношения к сирийскому конфликту. Если человек сочувствует врагам **Башара Асада**, это с высокой долей вероятности исламист. Если человек ненавидит шиитов и суфиев, не любит православных и иудеев, это плохая примета. Если человек утверждает, что в исламе нет никаких сект, а все мусульмане едины, это тоже одна из риторических особенностей ваххабитов. Нормальный мусульманин, наоборот, всегда признает наличие проблемы ваххабизма. Кроме того, ваххабиты очень агрессивно настроены к инаковерующим и инакомыслящим — причем как к христианам, так и к другим мусульманам. Они ведут себя очень дерзко, даже по-хамски, постоянно создают конфликтные ситуации, предъявляют требования.

Не стать ваххабитом

— Сегодня объектами исламистской вербовки все чаще становятся славяне. С чем это может быть связано?

— Вообще существуют разные причины принятия ислама: например, ненависть к властям, желание революционных преобразований — так, новообращенных много среди

нацболов, которые воспринимают радикалов как благородных разбойников. На кого-то оказывает давление коллектив или член семьи (в основном муж или жена). Вербуют также в секциях единоборств и соцсетях, где радикалы не спешат называть себя ваххабитами, а часто именуются просто мусульманами.

— Как же не попасть под влияние исламистов?

— Нужно проявлять бдительность, руководствоваться здравым смыслом. Следует обратить внимание на своих знакомых и родственников: насторожить могут внезапные разговоры на тему ислама, изменение поведения, скрытность. Бывает, что родители не интересуются жизнью детей, а потом выясняется, что их дети возглавляют террористические ячейки. Кроме того, я считаю, что в школах и вузах следует преподавать религиозную безопасность: рассказывать детям, как не попасть в секту и не стать членом экстремистской организации.

Татьяна Остоженко